

В. А. Колесник

## Посессивный датив в болгарских говорах Юга Украины

Посессивный датив относится к примарным балканизмам, характерным для всех языков Балканского языкового союза (болгарского, македонского, албанского, румынского, греческого, сербского). В болгарских переселенческих говорах Юга Украины он чаще всего употребляется с названиями родственников. В других случаях предпочитают полные формы местоимений.

**Ключевые слова:** болгарская и украинская диалектология, Балканский языковой союз, примарные балканизмы, посессивный датив, названия родственников.

Одной из трансформаций, происшедшей в болгарском языке вследствие деклинации склонения, является повышение степени релевантности посессивности. Выделение притяжания как существенного структурирующего нового опорного центра (наряду с объектностью) напрямую связано с аналитическими процессами в балканских языках, которые привели в ранний период к синкретизации датива и генитива именно в плоскости категории посессивности. Притяжательный датив был особенно популярен в среднеболгарский период, а конкуренция с генитивом началась прежде всего в группе личных местоимений. Кроме того, происходит смешение предлогов *на* и *от* в посессивных конструкциях, в результате чего обобщается предлог *на*. Этот предлог в истории и в современном болгарском языке демонстрирует необыкновенно высокую степень синкретизации, включая и старые дативные и генитивные функции.

Балканские языки проявляют много сходств в синтаксисе личных местоимений в роли притяжательных, которые являются клитиками [1: 63]. Употребление кратких дательных (или родительных) форм личных и возвратных местоимений в роли притяжательных рассматривается как последствие унификации родительного и дательного падежей в балканских языках.

Еще в классическом старогреческом языке одним из способов выражения посессивности является личное местоимение в генитиве. В современном греческом в притяжательной функции обычно употребляются в ед. числе генитивные формы, а во мн. — аккузативные. Но и в латинском языке находим смешение личных и притяжательных местоимений не только на надписях из Далмации, Верхней и Нижней Мизии, но и у таких писателей, как Цицерон и Тацит [1: 62]. Здесь формы личных местоимений в генитиве замещают притяжательные местоимения.

В албанском языке эта особенность проявляется частично: родительные формы личных местоимений употребляются в роли притяжательных только в 3 л. (соотв. *негов*, *му*; *неин*, *и*; *техен*, *им*; *свой*, *си*). Кроме того, в албанском языке адъективированные личные местоимения родительного падежа — это единственные формы притяжательных местоимений 3 лица: в других балканских языках личные местоимения в притяжательной функции употребляются наряду с настоящими притяжательными местоимениями.

В румынском языке начиная с 16 в. краткие дательные формы личных и возвратных местоимений употребляются вместо притяжательных: *casa — ne "къщата ни"*. В современном румынском и арумынском это явление называют дательным притяжательным.

В болгарском языке краткие дательные формы личных местоимений появляются в притяжательной функции одновременно с проявлением синкретизма родительного и дательного падежей. В балканском контексте указанное выравнивание двух форм следует рассматривать на фоне полной замены дательного родительным в народном греческом и обобщения дательного в балканском латинском, происшедшего до прихода славян на Балканский полуостров.

Процесс слияния генитива и датива в греческом и балканском латинском является результатом редукции — деклинации падежной системы в этих языках, которая особенно интенсивно проходила в первые века нашей эры. Дальнейшая полная замена родительного падежа дательным в истории болгарского языка также связана с аналитическими изменениями в падежной системе и представляет собой один из этапов отмирания падежной системы в синтаксисе. Дательный падеж в генитивной функции в староболгарском языке, по мнению Ангелины Минче-

вой, был структурной особенностью как живой народной речи, так и литературного языка. Вместе с другими южнославянско-балканскими особенностями книжной (литературной) нормы он воспринимался в моравской среде как своеобразный стилистический признак. Этот тип дательного падежа, по мнению болгарских исследователей, "является несомненным балканизмом в синтаксисе староболгарского языка" [8: 25]. Важным структурным признаком этой функции староболгарского дательного падежа является его приименное употребление. В современном болгарском языке краткие дательные формы предпочитают в случаях, когда на них не падает логическое ударение.

Слияние форм генитива и датива характерно для фригийского и армянского языков, что дает основание некоторым исследователям видеть в этой модели балканских языков влияние субстрата [4]. Утрату флексий в болгарском языке также, как известно, объясняют влиянием субстрата. Субстратный характер несут следы исчезнувшего фракийского языка древних жителей Балкан в новых балканских языках, особенно в румынском и албанском. Вытесненный язык, как известно, никогда не исчезает бесследно. Влияние вытесненного языка может быть разной силы. Чаще субстратные явления выступают как глубинные, подводные силы, в союзе с другими факторами направляющие развитие языка. Так, к утрате флексии в английском языке вели разные причины, и прежде всего внутренние: редукция гласных, общегерманская тенденция к аналитизму, рост численности предлогов. Вместе с тем ряд исследователей считают, что утрате флексии способствовало также и скандинавское влияние 9–11 вв. — времен набегов викингов и Данелага. А. Мейе объяснял распадение индоевропейского праязыка различиями в субстрате отдельных районов Евразии, заселявшихся индоевропейцами [7: 51].

В этой связи заслуживает внимания тот факт, что иллирийцы и фракийцы населяли области Карпат с глубокой древности. Иллирийцы уходили за Дунай, на Балканы, еще со II тыс. до н. э., но некоторые контакты со славянами сохраняли и позже. В эпоху античности племена северной группы фракийцев (в том числе геты и даки) жили к северу от Гем (Балканских гор), южные фракийцы уже в V в. до н. э. создали большое Одрисское царство. Вплоть до появления славян земли Буковины, Карпат и Прикарпатья, Поднестровья и севернее Днестра заселяли народы гето-фракийского круга. К середине I тыс. н. э. южнее Дуная говорили по-гречески, севернее — на провинциальных романских диалектах, распространившихся из римских городов (по-романски говорили и иллирийцы, за исключением горцев-албанцев). Расселившиеся в IV в. на землях фракийцев славяне в условиях мирного соседствования либо ассимилировали потомков фракийцев (в Болгарии, к югу от Дуная), либо сами были ими ассимилированы (к северу от Дуная).

В свете этих исторических фактов не представляется случайным наличие исследуемых форм и в украинских карпатских говорах. Известный украинский исследователь В. В. Нимчук в украинских говорах Карпат находит ряд фонетических, морфологических, синтаксических и акцентологических элементов, которые корреспондируют с балканскими: "Найвиразнішою граматичною балкано-карпатською ізоглосою є широке вживання в закарпатських говорах енклітичних форм давального відмінка особових займенників у ролі присвійних *мій, твоїй* усіх відмінків: *брат ми, брат ти, брат му* (їїй, їуу, їуй), *брат нам, брат вам, брат їім* (їим); *брата ми, ти, му, нам, вам, їім*. Аналогічні факти часом засвідчуються і в інших карпатських говірках — лемківських і бойківських, а конструкція *заслабла мені (ми) жінка* "занедужала в мене жінка" поширена на всій території південно-західного наріччя української мови та деяких суміжних говірках південно-східного" [9:5].

Подобные грамматические формы функционируют в украинских говорах на территории Румынии, исследованных И. Робчуком. Исследователь отмечает: "Особливо характерною і своєрідною рисою говірок закарпатського типу, що відрізняє їх від багатьох говорів української мови, є енклітичні форми. Ці форми поширені поряд із звичайними відмінковими формами особових займенників: *н'а/мене, т'а/тебе, го/їєго, (ї)і /їїїі* (у родовому і знахідному відмінках однини); *ми / мин'ї, ти / тобі, му / їєму* (у давальному відмінку однини)" [10:118].

На основании исследования фактического материала, восходящего, несомненно, к праславянскому фонду, В. Нимчук считает, что эти явления не следует рассматривать как балканизмы: "Елементи, що функціонують в багатьох мовах, котрі не входять до БМС, очевидно, не варто трактувати як балканізми взагалі. Помітна частина явищ, трактованих у сучасній лінгвістиці як

балканістичні, має слов'янську основу (генетично-праслов'янську). Частина їх збереглася й активізувалася в українських діалектах, мабуть, завдяки контактам з мовами БМС. Поодинокі елементи, що досі пояснюються як балканські, мають далеко ширший ареал" [9:8]. Следует отметить, что это утверждение не противоречит современному пониманию балканизмов как "все возможные реорганизации грамматической структуры, вызванные качественными и количественными изменениями в условиях балканской языковой среды", при этом берутся во внимание не только чисто балканские языковые модели, но и различные реорганизации исконно славянского материала в условиях балканской языковой среды [6:132].

В функции дательного посессивного местоименные клитики употребляются во всех балканских языках, в том числе и в румынском. Однако, как справедливо отмечает В. Нимчук, "у карпатоукраїнських говірках маємо справу не з запозиченням (міжмовною інтерференцією), а із збереженням й активізацією давньої слов'янської конструкції, можливо, завдяки контактам з мовою БМС — румунською" [9: 9].

Существует ли посессивный датив в других восточнославянских языках? В белорусских и русских говорах этих конструкций нет. Не только в говорах, но и в просторечии можно встретить форму Д. ед. ч. те (ср., например: *Что те надо?* В разговорной речи обычно: *Я те дам!*). Но это не посессивные конструкции и, как отмечает Г. А. Хабургаев, "эта форма вряд ли имеет отношение к энклитике книжно-славянских текстов *ти*: она развилась в результате редукции словоформы Д. ед. ч. *тебе* или *тобе* в беглой диалогической речи и, следовательно, должна быть поставлена в один ряд с такими нередко встречающимися в говорах формами, как Р.-В. *тея* (< *тебя*), *сея* (*себя*), *меня* (*меня*), а также *тее* (*тобе*), из которой в результате стяжения гласных и могло появиться *тё* > *те* [5: 252].

В древнерусских памятниках формы В. п. *мя*, *тя*, *ся*, *ны*, *вы* функционировали как энклитики. "Формы В.-Р. *мене*, *тебе*, *себе*, *нас*, *вас* используются для логического выделения лица-объекта, в то время как формы В. п. *мя*, *тя*, *ся*, *ны*, *вы* функционируют в древнерусских памятниках как энклитики. Впрочем, соотношение форм В. п. *мене-мя*, *тебе-тя* и т. д. прежде всего прослеживается в литературных текстах, устойчиво и последовательно удерживающих энклитики *ми*, *ти*, *си* и в Д. п. (именно такое употребление отмечено С.П.Обнорским в сочинениях Владимира Мономаха и в "Молении Даниила Заточника"), в то время как деловые тексты, по наблюдениям В. И. Борковского, удерживают формы В. п. *мя*, *тя*, *ны* и т. д. вплоть до 15 в. лишь в устойчивой формуле *чимь* (*мя*, *тя*, *ны* и т. д.) благословил (пожаловал)..., употребляя во всех нестандартных конструкциях форм В.-Р. *мене*, *тебе* и т. д" [5: 254].

Данные лингвистической географии не исключают возможности того, что отмеченные факты отражают более длительное сохранение специализированных форм *мя*, *тя*, *ся* именно в северных русских говорах — на территории Новгорода и новгородских колоний. Дело в том, что украинский и белорусский языки, а также все южновеликорусские и южные средневеликорусские говоры до сих пор продолжают сохранять старую форму Р. п. (получившую также и значение В. п.) *мене*, *тебе*, *себе*, в то время как "северновеликорусские говоры и формировавшиеся на их основе говоры великорусского центра (в том числе в окрестностях Москвы) знают в Р.-В. закрепившуюся и в литературном языке форму *меня*, *тебя*, *себя*. Эта новая форма скорее всего имеет морфологическое происхождение и, должно быть, связана с условиями распространения категории лица на формы личных местоимений" [5: 253].

Притяжательные местоимения в болгарском языке, как и в других славянских, происходят от личных, но имеют полные и краткие формы. Эти краткие формы восходят к кратким формам личных местоимений в функции непрямого дополнения, когда они находятся после имени и означают принадлежность. Имя при этом почти всегда употребляется с артиклем: *книгата ми*, но *моята книга*. Исключения составляют названия родственников: *майка му*, *баща му*. Болгаристы отмечают, что в современном болгарском языке энклитические формы теряют статус самостоятельной части речи и приближаются к служебным. "В настоящее время это скорее всего частицы с грамматической функцией, нежели полноценные падежные формы" [3: 313]. Рассуждая таким образом некоторые ученые считают, что нет оснований говорить о наличии категории падежа у личных местоимений. А тем более у притяжательных (и указательных), где "категория падежа полностью нейтрализована" [3:313]. Эти местоимения потеряли качества, при-

сущие самостоятельной полнозначной части речи: они проявляют семантическую дефектность, интонационно-акцентную и в большой степени позиционную закрепленность, не имеют логического ударения, и когда нужно подчеркнуть именно местоимение, то употребляются полные формы.

Очевидной является тенденция к нейтрализации падежей в местоименной системе, не нарушающей при этом коммуникации. Эта тенденция рассматривается болгарскими лингвистами в связи с действующей в болгарском языке общей тенденцией к аналитизму, которая, как уже отмечалось, в большей степени свойственна живой народной речи, чем литературной, где "литературная норма лишь замедляет естественное развитие языка" [3: 313]. Речь идет, прежде всего, о конструкциях типа *Аз ми се спи* (вместо литературной *на мене ми се спи*, ср. рус. *мне спится*), в которой немаркированный именительный падеж вытесняет дательный.

Эта тенденция была характерна и для исследуемых болгарских говоров Юга Украины, в которых вообще не встречаются конструкции типа *на мене ми се спи*. Вместо них употребляются формы с именительным (*Аз...*). Полные и краткие формы могут, как известно, употребляться одновременно для обозначения одного и того же объекта глагольного действия: *на него му казаха, мене ме питат*. Эти формы характерны как для разговорной, так и для книжной речи, они придают фразе колорит разговорной речи, то есть стилистически окрашены. Эти формы свидетельствуют также о еще большем ослаблении собственно местоименного значения у этих форм и известной склонности принимать на себя функции добавочных морфологических элементов в данных репризах.

В литературном болгарском языке полная форма местоимения или существительное находится перед краткой. В исследуемых болгарских говорах полная форма местоимения зачастую находится в конце предложения, после краткой и даже не рядом с ней. Это, вероятно, свидетельствует о том, что в некоторых конструкциях носители говора не воспринимают такие слова как краткие формы местоимений, поэтому и дублируют их полными: *Той да н'е му ѝ аргатин на н'егу. Три д'ена шта н'ама т'еб'а / =Три дена ще те няма /*.

В современном болгарском языке, как известно, редуцируется категория падежа у местоимений. Исследователи отмечают, что в настоящее время происходит вторая фаза аналитического преобразования местоимений — сохранившиеся падежные формы заменяются именительной [12]. Этого не происходит в исследуемых говорах. Заложенные в диалектной системе внутренние потенции позволяют сохранять болгарским переселенческим говорам аналитическую структуру, но, развиваясь в падежной, безартиклевой среде, исследуемые диалекты не теряют и своих синтетических форм.

Перед краткими формами местоимений существительные, как правило, употребляются в говорах, как и в литературном болгарском языке, с артиклем. Без артикля в этих случаях употребляются лишь существительные, обозначающие отца, мать и некоторых других родственников: *мама му, тату му, л'ел'а му, систра му, брат му*. Эти лексемы, однако, относятся к наиболее частотным в говорах.

Названия родственников имеют особый статус в болгарском языке. Как и имена собственные, они употребляются преимущественно без артикля. Имена существительные *мама*, *майка*, *тате*, *татко* никогда не фиксируются с артиклем, если речь идет о своих родителях. Перед краткой местоименной формой они также не употребляются с артиклем. В подобных случаях не употребляется артикль и с другими названиями родственников: *баба*, *дядо*, *леля*, *вуйчо*, *вуйна*, *стрина*, *чичо*, *бате*, *кака*. Однако субстантивы *брат* и *сестра* используются в принадлежностных дилексах как в безартиклевой, так и в артиклевой форме — *сестра му* и *сестрата му*. Субстантивы *син* и *дъщеря* в принадлежностных дилексах "звучат в безартиклевых формах менее официально, чем артиклевы *синът* (*сина*), *дъщерята*, однако *тът* ми даже в разговорах встречается реже, чем *тътът* ми" [13: 447]. В исследуемых болгарских говорах названия родственников употребляются, как правило, согласно общепринятому правилу — без артикля, но чаще всего в сочетании с кратким местоимением: *Майка ти доди; Брат му има два сина; Л'ел'а ти болна; Уйна ти та мули да напишиш пис'мо; Питай кака си; Жина му б'еши ут Йурдануви*.

В исследуемых нами переселенческих говорах полные формы местоимений в роли посесси-ва употребляются, как правило, тогда, когда имеют логическое ударение, в функции выделения:

*Вашта б'ала, п'як мойта* — ч'ерна (Кирнички), но не только: *Мойа д'адү б'еши поп ф с'елуту; Н'ейната майка продафчица* (Евгеновка); *Негувийа син у Ад'ес жув'ей* (Кулевча); *Незинио кариспанд'ент много ми са нрави* /Катаржино/; *Какви т'а й незенит'е р'ци* (Кулевча); *У мын'а н'ама пишкирь, у мама мойта има; Свик'рвата казва на мойта майка ко иска за кого* (Криничное). В результате наших статистических подсчетов оказалось, что полные формы притяжательных местоимений в исследуемых говорах в речи младшего поколения употребляются чаще. Однако это не значит, что энклитики в исследуемых говорах не функционируют. В составленной нами картотеке находим немало примеров: *Утиват да удумват сед'ал рудинит'е: майка му, башта му, бул'а му, учу му, лел'а му, сваку му, брат, систра и други; Питат радительти й* (Яровое); *На булката майка и и башта и излагват и черп'ат гостит'е; И тугас на булката майка и начева да дарува; Майка и прудалжава да дар'ава; Гату кончават да гуляят башта й и майка й на булката; Нос'ат слатка ракийа на майка й; Майка й дарява ракаджиите; Дават туй, куйету испруди майка й* (Заря). *Вс'у жись сама жув'ала аз д'шт'ер'а си, аз майка си; Од'ат аз бабини си, аз майкини си — нос'ат кучита* (Криничное); *Утив'ят радит'ел'ти му; Утив'ят на мумат' и радит'ел'ти й с мед'ана ракийе; Там башта й ги черпи, а майка й испрашта на д'шт'ер'а си подарки; Булк'ът със мъж' й утив'ят у сватувити си; Пуд'ър тва на булк'ът майк' й ги вика у т'ах* (Огородное) и др.

В речи студентов и школьников фиксируются формы без энклитик: *Башта дуд'е ф'чера* (вм. *баща ми*); *Занес гу на л'ел'а; Систра тр'аба да кажи* (Заря) и т. п. Отмечено также, что полные формы притяжательных местоимений употребляются в говорах без артикля, даже если они в функции подлежащего. Нечленные формы полных притяжательных местоимений отмечены исследователями, например, в Ольшанке еще в 1950-ые гг. [2: 99]. Нестабильное употребление артиклевых форм можно объяснить как функционированием говоров в безартиклевой инославянской среде, так и вариативностью, "парадоксальной свободой" [11:147] болгарского артикля, которую не всегда можно объяснить.

Краткие местоименные формы, как и другие детерминаторы, выражают определенность. Наглядно это демонстрируют примеры исследуемых говоров, где краткие формы местоимений употребляются в тех случаях, когда в литературном им соответствует артикль, то есть они выполняют функции артикля: *Гату кончат да гуляят, башта й и майка й на булката извеждат булката и гудинику ут к'штата приз оган сас светица и пишкир* (Ровное) (ср. лит. болг.: *бащата и майката на булката*). Как видим, используются они после названий ближайших родственников, которые, как мы уже отмечали, употребляются в ряде случаев без артикля, поскольку обладают имплицитной определенностью. Данный пример, на наш взгляд, наглядно иллюстрирует процесс образования членной формы (имя+местоимение), только в роли артикля здесь выступает не указательное местоимение -тъ (-та, -то), а личное в роли притяжательного. С другой стороны, данная синтагма детерминирована предложным сочетанием *на булката* ("отец и мать невесты"), которое, таким образом, является дублированием посессивной (указательной) функции. Необходимость такого дублирования обусловлена, на наш взгляд, тем, что краткие местоимения превращаются в частицы, утрачивают посессивное значение. Однако это явление фиксируем только с энклитикой *й*, с другими местоименными формами оно не зафиксировано.

В целом, следует отметить, что количество посессивных конструкций с полными и краткими местоимениями в исследованных текстах приблизительно одинаково. Факты ограниченного употребления посессивных энклитик в некоторых из исследованных нами говоров свидетельствуют о специфике их грамматической системы, обусловленной, вероятно, степенью балканизации и степенью интерференции. Причины этой специфики могут быть выяснены при полном комплексном исследовании диалекта на всех языковых уровнях — фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом.

1. Асенова П. Балканско езикознание. Основни проблеми на Балканския езиков съюз. — София, 1989.

2. Бунина И. К. Звуковой состав и грамматический строй говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. — 1953. — Вып. 4. — С. 5–123.

3. Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език. — София, 1998.

4. Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. — М., 1972.

5. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. — М., 1981.

6. Лашкова Л. Основни балкански трансформации на славянските граматични модели и средства в българския език // Общност и многообразие на славянските езици. — София, 1997.
7. Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951.
8. Минчева А. Старобългарският език в светлината на балканистиката. — София, 1989.
9. Німчук В. В. Українська мова в її говорах та балканський мовний союз // Щорічні записки з українського мовознавства. — Одеса, 1996. — Вип. 4.
10. Робчук І. Вивчення українських говірок Румунії. Словозміна / Студії і статті. — Бухарест, 1999.
11. Стоянова Ю. Върху онтогенезата на категорията "определеност" в съвременния български книжовен език // Едно поколение български езиковеди. — София, 2000.
12. Харалампиев И. Развойни процеси в съвременния български език // Българистични проучвания. — Велико Търново, 2002. — Вып. 8.
13. Янакиев М., Котова Н. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. — М., 2001.

**В. О. Колесник**

### **ПОСЕСИВНИЙ ДАТИВ У БОЛГАРСЬКИХ ГОВІРКАХ ПІВДНЯ УКРАЇНИ**

Посесивний датив є одним із примарних балканізмів, характерних для всіх мов Балканського мовного союзу (болгарської, македонської, албанської, румунської, грецької, сербської). В болгарських переселенських говірках Півдня України його найчастіше вживають з назвами родичів. В інших випадках переважають повні форми займенників.

**Ключові слова:** болгарська та українська діалектологія, Балканський мовний союз, примарні балканізми, посесивний датив, назви родичів.

**V. A. Kolesnik**

### **POSSESSIVE DATIVE IN BULGARIAN DIALECTS OF THE SOUTH OF UKRAINE**

Possessive dative belongs to primary balkanisms typical for all languages of Balkan language union (Bulgarian, Macedonian, Albanian, Rumanian, Greek, Serbian). In Bulgarian migrant dialects of the South of Ukraine it is mostly used with the names of relatives. In other cases full forms of pronouns are preferred.

**Keywords:** Bulgarian and Ukrainian dialectology, Balkan language union, primary balkanisms, possessive dative, names of relatives.